Но Шэнь Цинву, казалось, вовсе не заботило, ответит та или нет. На её губах по-прежнему играла едва заметная улыбка, но Су Е всегда находила её фальшивой.

Этот макияж делает тебя ещё больше похожей на лисицу, — Шэнь Цинву вытянула из пачки бумажную салфетку и небрежным, ленивым движением вытерла влагу с ладоней. — Лисицы — такие создания, любят соблазнять, но любят и убегать.

На слове «убегать» она нарочно сделала акцент, звучавший так, будто в нём скрывался какой-то подтекст.

На лице Су Е, пытавшейся изображать невозмутимость, появилась трещинка.

Шэнь Цинву посмотрела на неё, уголки её губ изогнулись в улыбке, но сама она промолчала.

Встретившись с этим взглядом, Су Е почувствовала, как у неё по спине пробежал холодок, а по рукам побежали мурашки.

Не в силах больше выносить такую атмосферу, Су Е круто повернулась и зашагала прочь.

Когда она уже дошла до двери, сзади внезапно донеслось:

— А игра в кошки-мышки — это на самом деле очень весело.

Су Е споткнулась на ходу, нахмурилась и оглянулась.

Конец. Кажется, она снова ввязалась в неприятности с этой женщиной.

Причём на этот раз неприятности казались куда более серьёзными, чем в Перерождение: в конце концов, в том деле она была кругом виновата.

Нет, погодите, почему Шэнь Цинву тогда не отказала? Её стоило лишь слегка толкнуть, как она бы отступила. Сама-то она выпила, но Шэнь Цинву ведь не пила? Во всяком случае, она ведь не пила?

Не могла же она применить грубую силу, а та не смогла бы дать отпор? В конце концов, раньше ей уже доводилось драться с Шэнь Цинву — та занималась боевыми искусствами и могла играючи скрутить её и повалить на землю. Версия о том, что Шэнь Цинву не смогла защитить себя, не выдерживала никакой критики.

— Госпожа Шэнь, я совершенно не понимаю, о чём вы говорите. Мы же, кажется, даже не знакомы, — Су Е решила прикинуться дурочкой.

Шэнь Цинву выбросила использованную салфетку и плавной, неторопливой походкой приблизилась, остановившись рядом. От неё веяло мягким, проникающим до самого костного мозга древесным ароматом уда:

— Боишься меня?

Су Е выпятила подбородок:

— Ещё чего, с чего бы мне тебя бояться?

Шэнь Цинву тихонько засмеялась. В отличие от нервной и неуверенной в себе Су Е, она неизменно держалась спокойно и непринужденно.

Казалось, всё было под её полным контролем, а сама Су Е напоминала лишь беспомощную лисицу, ускользнуть из её лап не было ни малейшего шанса.

Су Е жутко не нравился этот её самодовольный вид. Она тут же чуть приподняла подбородок и бросила вызов:

— Ладно, признаю, в тот вечер я действительно погорячилась. Но тут всё было по обоюдному согласию, обсуждать особо нечего. Что такое, неужели Третья госпожа ждёт, что я стану нести ответственность?

Шэнь Цинву подалась ближе, и её дыхание, лёгкое и нежное, как аромат орхидеи, коснулось уха Су Е:

— Если хочешь, я не против.

Шэнь Цинву ушла, а Су Е так и застыла на месте… на долгие-долгие мгновения.

Что значит «я не против»?

Против чего она не возражает, эта собачья женщина? Не возражает, чтобы та несла ответственность?

Она сошла с ума или это у самой Су Е крыша едет?

— Су Е!

— Су Е здесь?

Где-то неподалёку сотрудник со списком для проб выкрикивал имена по порядку.

Су Е пришла в себя и поспешно подбежала:

— Здесь, я здесь!

Сотрудник окинул её оценивающим взглядом, и его глаза слегка блеснули.

Хотя все приходившие на пробы отличались яркой внешностью, эта девушка выделялась даже на общем фоне своей ослепительной красотой.

Алые губы, персиковые глаза в сочетании с вызывающим красным платьем — манящие и чарующие, они как нельзя лучше подходили под образ главной куртизанки.

Она была красива и соблазнительна, но неизменно производила впечатление пустой куклы — по крайней мере, актёрских талантов в ней совсем не угадывалось, — промелькнуло в голове у сотрудника.

— Давайте быстрее заходите, ваша очередь, — бросил он.

Войдя в павильон для проб, Су Е поднялась на сцену. Внизу, в зрительном зале, силин целый ряд людей.

Бросив быстрый взгляд, она заметила режиссёра, второго режиссёра, продюсера, а также Шэнь Цинву, сидевшую на самом центральном месте.

Она восседала там со спокойным видом, не проявляя никаких эмоций и движений, но излучая ауру возвышенной чистоты и святости, словно недосягаемая луна в небе.

Добрая снаружи, ядовитая внутри, с человеческим лицом, но душонкой животного, — мысленно выругалась Су Е.

Она отвела взгляд от Шэнь Цинву, собралась с мыслями, шагнула в центр сцены и поклонилась:

— Здравствуйте все, я…

Режиссёр Ли, даже не подняв головы, грубо перебил её:

— Хватит, не тратьте время, начинайте сразу.

Су Е замерла с полупоклоном, затем выпрямилась:

— Хорошо.

Она уже собиралась начать выступление, как вдруг голос подала Шэнь Цинву:

— Режиссёр Ли так спешит?

Режиссёр Ли опешил и лишь спустя несколько мгновений с неловкой улыбкой отозвался:

— Третья госпожа с ней знакома?

Улыбка на лице Шэнь Цинву исчезла. Ничего не отвечая, она рассеянно перебирала пальцами чётки на запястье, выглядя весьма отрешенно.

Режиссёр Ли почему-то почувствовал лёгкую дрожь в груди, и на лагерях мгновенно выступил холодный пот.

Хотя эта Третья госпожа из Семья Шэнь и носила кроткое лицо, полное сострадания ко всему живому, сам он не понимал почему, но за каких-то десять с небольшим минут общения эта женщина начала внушать ему суеверный страх.

В человеке сквозило нечто божественное, а вместе с тем неизбежно проступала и демоническая черта.

— Э-э, Су Е, верно? Продолжайте представляться, я вас слушаю, — посерьёднев, режиссёр Ли взглянул на бумаги в руке, а затем снова поднял глаза на девушку на сцене.

Присмотревшись, он невольно задержал взгляд: её внешность и правда идеально подходила для роли — чувственная и манящая.

Режиссёр Ли был весьма доволен тем, как она подходила под образ, но подсознательно всё же опасался, что у девушки нет нужных навыков — уж слишком сильно от неё веяло амплуа смазливой пустышки…

У главной куртизанки было немало сцен, и если бы на эту роль взяли совсем бесталанную красотку, это же просто угробило бы весь сериал.

Режиссёр Ли втайне тревожился: раз уж это человек Шэнь Цинву, у него не хватит духу отказать, как же быть-то?

Стоявшая на сцене Су Е заметила мрачное выражение лица режиссёра Ли и встревожилась. Покосившись на Шэнь Цинву, она подумала: чего удумала эта собачья женщина, неужели хочет провалить её пробы?

Ну просто сущая собака, до чего же вредная!

Су Е мысленно отборно ругала Шэнь Цинву самыми последними словами, но снаружи с самым смиренным и вежливым видом заново представилась.

Режиссёр Ли, лишившись прежнего нетерпения, крайне любезно отозвался:

— Угу, очень хорошо, прекрасно, давайте начинайте.

Су Е заметила перемену в тоне режиссёра Ли и слегка растербанилась. Украдкой бросив взгляд на Шэнь Цинву, она задумалась: это та вредит ей или, наоборот, помогает?

Персонажу, которого предстояло сыграть Су Е, была уготована двойная жизнь: днем она блистала как куртизанка в весёлом доме, а по ночам являлась искусной шпионкой.

Сцена предполагала сильное опьянение: вера и идеалы куртизанки рушатся в одночасье, все от неё отворачиваются, загоняя в безвыходное положение. Одурманенная вином, она падает на колени — с этого момента начинается падение героини во тьму.

http://bllate.org/book/37708/4713237